

Императрица Чжан стояла рядом и, услышав, как император хвалит Е Чанлина, тоже добавила несколько слов. Вдовствующая императрица Чэнь не любила мачеху-императрицу Чжан, но раз императору она нравилась, ей, старшей, не перечить младшему, и она лишь делала вид, что ничего не замечает. Императрица Чжан, не встретив понимания, с обидой посмотрела на императора Юнцзя, и тот лишь утешил её взглядом.

Трое самых высокопоставленных особ Великой Нин беседовали наверху, а внизу младшее поколение тоже оживилось.

Голос императора Юнцзя был негромким, но все присутствующие отчётливо расслышали его слова, и теперь особого любопытства к Е Чанлину они не проявляли.

Однако Е Чанлин остро почувствовал, что на него пристально смотрит чей-то взгляд.

Подняв глаза, он встретился взглядом с очаровательной девушкой.

Судя по её наряду и причёске, она, должно быть, была незамужней принцессой императорского рода.

Е Чанлин опустил голову, делая вид, что ничего не заметил.

Но даже к середине пира он обнаружил, что принцесса всё ещё смотрит на него, что вызывало у него полное недоумение.

Пир в императорском дворце.

Яства с императорского стола.

Одни эти слова заставляли сердце трепетать от предвкушения.

Поэтому, когда император Юнцзя разрешил ему присутствовать на этом пиру в честь Середины осени, Е Чанлин тоже очень ждал этого.

Но когда все блюда оказались на столе, Е Чанлин тут же разочаровался.

В голове пронеслось лишь два слова: «И это всё?».

Конечно, яства нельзя было назвать бедными, но они сильно отличались от восьми великих кухонь и пиршеств «Мань Хань», о которых он слышал в прошлой жизни.

Самое главное — даже на семейном пиру соблюдался этикет. Е Чанлин сидел за столом Чу

Чэньси, то есть за столом наследного принца. Если даже на столе Его Высочества еда была такой, то Е Чанлин уже не питал никаких надежд относительно императорской кухни.

Попробовав на вкус, он счёл, что в целом неплохо, но слишком пресно.

Учитывая, что в эту эпоху ещё не завезли такие культуры, как перец чили, а из острого был лишь имбирь, Е Чанлин простил императорских поваров за такое расточительство даров природы.

— Что, не по вкусу? — То, что Е Чанлин лишь слегка попробовал, тоже привлекло внимание Чу Чэньси.

— В ответ Вашему Высочеству, Чанлин просто на мгновение вспомнил, что нахожусь в трауре...
— ответил Е Чанлин, соблюдая все формальности.

— А, траур. — Чу Чэньси всё понял и не стал развивать эту тему. На самом деле он только что видел, как в начале пира Е Чанлин потянулся за говядиной.

Пир завершился в атмосфере звячущих чарок и перекрещивающихся тостов.

Ничего не произошло, даже интриг между наложницами не было. Из-за Чу Чэньси Е Чанлин сидел близко к императору Юнцзя и другим важным особам, и весь вечер ему пришлось наблюдать, как император с императрицей сыпят друг в друга «собачий корм» [демонстрируют чувства]. Вдовствующая императрица явно не переваривала этот «корм» и, сославшись на усталость, удалилась в середине пира, после чего император Юнцзя и императрица Чжан стали ещё более неприличными.

После трёх кругов вина остальные наложницы тоже захотели уйти, но император Юнцзя не собирался покидать пиршество, и всем пришлось, стиснув зубы, оставаться.

— Моя третья сестра смотрит на тебя, — сказал Чу Чэньси, осушая бокал с лёгким вином. У императора Юнцзя было шесть дочерей, и самой любимой была третья принцесса Чуньянь, родная сестра Чу Чэньши, рождённая императрицей Чжан.

Чу Чэньши был противным типом, а Чуньянь, на пять десятых похожая на императрицу Чжан, была ещё противнее.

— Чанлин не хочет ли взять в жёны принцессу? — снова раздался голос Чу Чэньси.

Услышав это, Е Чанлин на мгновение застыл. У него и вправду мелькнуло лёгкое желание.

Из-за воспитания в прошлой жизни у него не было стремления к трём жёнам и четырём

наложницам. Если не принимать во внимание женскую красоту, то императорская принцесса была бы неплохим выбором.

При такой мысли он понял: раз принцесса так на него смотрит, и даже Чу Чэньси это заметил, не значит ли это, что он ей интересен?

В голове Е Чанлина промелькнули разные мысли.

И поэтому он не заметил, что сидящий рядом Чу Чэньси уже пьян.

Что я только что сказал? Последние остатки сознания Чу Чэньси заставили его потереть лоб, пытаясь протрезветь, а затем он продолжил пить.

В конце концов, императрица Чжан, видимо, тоже поняла, что время уже позднее, и уговорила совершенно пьяного императора Юнцзя вернуться — разумеется, во дворец Куньнин.

На этом пир и завершился.

Как и предполагал Е Чанлин, Чу Чэньси в пьяном виде вёл себя вполне прилично: не буянил и не болтал лишнего, и хотя в голове у него была каша, внешне он ничем не отличался от обычного состояния.

Е Чанлин немного отвлёкся, ночной ветерок немного протрезвил его, и он совершенно не осознавал, что с Чу Чэньси что-то не так.

Лишь когда Чу Чэньси сел в паланкин, чтобы вернуться в Восточный дворец [резиденция наследного принца], Е Чанлин вспомнил, что не знает, как ему возвращаться.

И в этот момент из дворца Жэньшоу вышел Чу Чэньяо.

Был уже праздник Середины осени, ночной ветер был холодным и развеял немногочисленные винные пары вокруг него. Поскольку сегодня был семейный пир, император Юнцзя разрешил немного отодвинуть время закрытия дворцовых ворот, и сейчас все спешили на выход.

Чу Чэньяо только вышел и сразу увидел съёжившегося от холодного ветра Е Чанлина.

Из-за траура его одежда была очень скромной, а на фоне бледного лица он выглядел даже несколько жалким.

Глаза Чу Чэньяо потемнели. Когда он познакомился с тем человеком, тот тоже был таким — хмурым и жалким.

Не успел Чу Чэньяо погрузиться в воспоминания, как в следующий миг он увидел, что Е Чанлин, не колеблясь, спросил дорогу у маленького евнуха и направился к дворцовым воротам.

Чу Чэньяо замедлил шаг, а затем внутренне усмехнулся.

Верно. Е Чанлин, как ни крути, был старшим сыном дома Е. Тот же человек, которого он знал, был всего лишь одиноким и беспомощным маленьким евнухом во дворце, разве мог он походить на Е Чанлина?

И он больше не стал об этом думать.

Но ночной осенний ветер всё же смягчил его холодное сердце на полшага.

— Пошли, — сказал Чу Чэньяо, бросив Е Чанлину взгляд со спины.

Тем самым он дал понять, что готов отвезти его обратно. Е Чанлин приподнял бровь. Он и вправду не хотел иметь дело с Чу Чэньяо, но и не обязательно было спешить.

Только он собрался ускорить шаг, чтобы догнать его, как в ушах вдруг раздался голос Системы.

[Очки «сладкой любви» +1.]

Е Чанлин мгновенно протрезвел.

...

В покоях принцессы Чуньянь, которая всё это время не сводила с Е Чанлина глаз, всё ещё горел свет.

В покои поспешно вбежала маленькая служанка.

— Ну как? — спросила принцесса Чуньянь. Благодаря любви императрицы Чжан и императора Юнцзя, воспитательницы не смели её упрекать и уже давно ушли в свои комнаты.

— Ваше Высочество, слышала, что пятый князь лично отвёз того Е Чанлина обратно в дом Е, — запинаясь, доложила маленькая служанка.

— Эта тварь! — сквозь зубы прошипела принцесса Чуньянь. — Мало того что заигрывает с этим Чу Чэньси, так ещё и пытается прицепиться к пятому брату.

Маленькая служанка очень хотела робко пояснить, что, согласно внешним слухам, это пятый князь проявил интерес к Е Чанлину, но, видя гнев принцессы, не посмела вымолвить ни слова.

С другой стороны, Е Чанлин, совершенно не подозревавший, что принцесса Чуньянь уже затаила на него злобу, сейчас был сам не свой.

Он пребывал в растерянности.

Вплоть до того момента, как Чу Чэньяо по пути отвёз его в дом Е и уехал, Е Чанлин пребывал в полном недоумении.

Как же так прибавились очки «сладкой любви»?

Е Чанлин никак не мог этого понять.

Даже стуча в ворота дома, он всё думал об этом.

Напрасно он, будучи в Восточном дворце, испытывал почву и готовился к игре в шахматы, чтобы получить кучу очков «сладкой любви», но так ничего и не услышал, и только тогда успокоился.

Как же он недооценил ситуацию.

В этот момент его мысли прервал доносившийся неподалёку плач.

— Что случилось? — спросил Е Чанлин у Мэйсян, которая, услышав, что он вернулся, тут же пришла его встретить.

— Это наложница Хуа, старая госпожа распорядилась выпустить её.

А, вот почему все плачут.

На следующее утро, поскольку ему всё ещё нужно было «лично подавать лекарство», Е Чанлину, несмотря на похмелье, пришлось встать спозаранку.

Просто не жизнь, а каторга.

Чистя зубы, Е Чанлин с тоской вздохнул.

Он пользовался зубной щёткой.

В эту эпоху зубные щётки уже существовали в зачаточном виде, но большинство людей по-прежнему чистили зубы, разжёвывая веточки ивы с лечебным раствором. Впервые увидев так называемую зубную щётку, Е Чанлин был шокирован — грубая и широкая, как щётка для обуви, со щетиной из свиной щетины.

Е Чанлин не хотел каждый раз чистить зубы до крови.

Позже Лю Лайтоу, следуя указаниям Е Чанлина, заменил щетину на конский волос и сделал щётку более изящной, так что ею уже можно было пользоваться.

Почистив зубы и умывшись, Е Чанлин немного взбодрился.

Поскольку он находился в доме Е, каждое утро ему неизбежно приходилось навещать старую госпожу и почтительного отца [приёмного отца].

Только выйдя из комнаты, Е Чанлин замедлил шаг, увидев заранее ожидавшего его Чэнь Сы.

У «Е Чанлина» не было слуги-подростка. Ещё после смерти госпожи Е из клана Ян все служанки и мамки во дворе уже нашли себе выход, устроившись к наложнице Хуа или старой госпоже. Остались лишь те мамки, которых старая госпожа приставила контролировать «Е Чанлина», да соглядатаи наложницы Хуа.

<http://bllate.org/book/15199/1341708>